

«УТВЕРЖДАЮ»

проректор по научной работе ФГБОУ ВО
Санкт-Петербургский государственный университет

С.В. Аплонов

24.01. 2017 г.

Отзыв

ведущей организации на диссертацию Ануфриевой Анастасии Сергеевны «Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03. – всеобщая история (история средних веков)

Диссертация А.С. Ануфриевой, объемом в 424 с., представляет из себя крупное исследование, посвященное весьма актуальной в современной исторической науке проблеме. Объем работы заметно превышает среднестатистические характеристики кандидатских диссертаций, но вполне оправдан сложностью исследуемой темы.

Проблематику и временной отрезок, избранный диссертантом, по праву можно соотнести с одной из самых горячих точек современных дискуссий, особенно в кругу немецких медиевистов. На исходе минувшего века здесь стал заметен и отказ от использования старого политико-государственного инструментария в изучении раннего немецкого средневековья, и торжество историко-антропологических подходов, и влияние новых теоретических концептов, восходящих к «лингвистической» традиции работы с источниками. Как следствие - подчас диаметрально противоположные толкования хорошо, казалось бы, известных явлений, будь-то знаменитое «хождение в Каноссу» или специфика организации власти в эпоху Оттонов и

Салийцев. Кажется, весьма трудным вклиниться в дискуссию маститых ученых, да ещё исходя из собственного угла зрения.

Тем не менее, следует признать: автору удалось сформулировать свое видение проблемы и подчинить ему работу с источниками. В фокусе внимания: особенности символической репрезентации власти эпохи Саксонской династии, точнее её главного представителя - Оттона Великого. Сам диссертант называет акты репрезентации «политико-символическими», что, впрочем, представляется несколько некорректным: едва ли к той эпохи применимы категории субсистем. Памятники, избранные для исследования, до сих пор не анализировались цельным массивом под указанным углом зрения. Необходимы были и широкие сравнения, для чего диссертантом был привлечен внушительный блок «пограничных» источников позднеантичного периода (сочинения светских и церковных авторов) и последних десятилетий правления Саксонского Дома («Хроника» епископа Титмара и др.)

В теоретическом аспекте А.С. Ануфриева отталкивается от результатов интенсивных дискуссий вокруг символов и ритуалов власти, кипевших последние десятилетия. Их итогом стали, как известно, взаимоисключающие тезисы. С одной стороны Г. Альтхоф и его школа попытались кардинально переосмыслить организацию королевства первых государей Саксонского дома с точки зрения структур и механизмов осуществления описываемых в текстах ритуалов. С другой стороны, Ф. Бюк в своей эпатажной книге 2001 г. сформулировал идею невозможности адекватного представления самого ритуала и его функций в виду «предвзятости» самих свидетельств. Автор диссертации в таких условиях неизбежно оказывается на перепутье: либо последовать за сторонниками «лингвистического» направления и видеть ритуал и символ только в тексте, либо присоединиться к традиционной линии немецкой историографии, едва ли прерванной Г.Альтхофом и его учениками – толковать текст в условиях реальной истории. Диссертант решительно позиционирует себя сторонником именно немецкой линии дискурса, т.н. новой «гейдельбергской школы» (Б. Шнайдемюллер, С. Вайнфуртер и др.) Через анализ символов и ритуалов возникает возможность интерпретации особенностей реальной «политической» истории (С. 13).

Во вводной главе показано хорошее знакомство с новейшими течениями в историографии и актуальность избранной темы. Весьма добротен представлен критический разбор источников и их авторов (С. 19 сл.) А.С. Ануфриева методически обоснованно дробит историографический блок на две большие группы: работы, посвященные проблематике ритуала, и труды по историографии собственно оттоновского времени (С. 45 сл.). Автор имеет

ясное представление о ведущих школах европейской и немецкой медиевистики XIX-XX вв. Особенно следует отметить органичное вплетение позиций отечественных ученых в общий контекст научной дискуссии. Взгляды российских медиевистов не представлены неким обособленным, изолированным привеском, как часто можно наблюдать в историографических разделах диссертационных исследований.

Истоки серьезного научного интереса к политическому символизму и ритуалу по справедливому мнению диссертанта обозначились в межвоенный период. А.С. Ануфриева подчеркивает своего рода дуализм двух научных направлений, сложившихся тогда в европейской медиевистике - школы «Анналов» и немецкой социально-культурной истории. В отношении немецкой традиции центральное место отводится двум знатокам, стоявшим у истоков изучения властных символов и ритуалов – Э. Канторовичу и П. Э. Шрамму. А.С. Ануфриева выделяет особенные черты, присущие немецкой медиевистике тех лет, тесную связь трактовки политического символизма с поиском специфических «государственных» или «протогосударственных» форм в немецком средневековье. Наконец, большое внимание даровано современному этапу, начало которого автор видит в 70-80 ых гг. минувшего века и связывает с успехами историко-антропологического метода.

Подробно разобрана диссертантом новаторская для своего времени методика Г.Альтхофа, ставшего в конце прошлого века признанным знатоком оттоновской эпохи. Его стремление сквозь призму ритуальных символов и жестов увидеть отражение общественно-политических реалий во многом содействовало переосмыслению представлений о немецком раннем средневековье. Идеи Г.Альтхофа стали своеобразной надстройкой к уже выношенным его учителями, прежде всего К.Шмидом, воззрениям об архаичных основах власти первых немецких государей Саксонского дома. Не прогресс институтов, а напротив, мастерское использование традиционных основ, прежде всего постоянно поддерживаемый компромисс с региональной элитой объясняли феномен могущества раннесредневекового немецкого королевства.

При всех симпатиях к концепции и методу Г.Альтхофа, которые подчас в скрытой форме ощущаются в диссертации, автор вполне объективно показывает успехи и границы в рецепции его воззрений. Если в трудах Г.В. Гетца или Т. Ройтера на разных региональных и хронологических примерах показаны возможности его метода, то, напротив, Й. Фрид в цикле работ блестяще указал на слабые стороны, на попытку насильственного притягивания текстов и трактуемых ими событий.

Позиция автора диссертации в отношении Й.Фрида заслуживает отдельного внимания, особенно в свете развернувшейся в последние годы весьма острой полемики между ним и Г.Альтховом. Диссертант выбрал, как представляется, вполне выигрышный ракурс: не столько критично оценивать вклад историка в целом, сколько соотнести собственные выводы с его позицией по конкретным вопросам. Спорить с Й. Фридом - дело не из легких. Блестящий логик, быстро подмечающий внутреннюю несостыковку и натяжки в рассуждениях оппонентов, Й.Фрид принадлежит к числу, безусловно, самых талантливых представителей «новой истории» немецкого средневековья. Но само формирование его воззрений, по справедливому мнению автора диссертации, стало результатом важных сдвигов в медиевистике конца XX в., появления мощного «ревизионистского» направления.

У диссертанта хороший литературный язык. Он придерживается строгих традиций академизма, в которых явно прослеживается умелое руководство научного наставника, склонность подкреплять тезисы и аргументы отсылками к массивному блоку литературы, подчас перенося комментарии и продолжение дискуссии в подстрочный аппарат.

Выделяется работа и весьма корректным, бережным отношением к тексту источников. А.С. Ануфриева демонстрирует добротное знание латыни и вполне обоснованное, критичное отношение к существующим переводам. Узловые места опираются на пространные комментарии к тексту и производят впечатление результатов долгой, хорошо продуманной работы.

Структура основной части диссертации в целом логична и соотносится с целями и задачами диссертации. Первая глава истолковывает описания ключевых политических актов: коронаций, аккламаций, специфических форм принятия инсигний на поле боя и собственно символов власти. Автор разворачивает дискуссию преимущественно с опорой на два главных памятника: «Деяния саксов» Видукинда Корвейского и знаменитый «Антаподосис» епископа Кремонского Лиутпранда.

А.С. Ануфриева разделяет точку зрения немецких коллег, видевших в концепции «Деяний саксов» Видукинда стремление связать династию с племенной традицией происхождения и истории саксов. Постоянно встречающийся у Видукинда мотив поддержки короля знатью и опоры на знать органично связывал новый династический период со старым, франкским. Для Видукинда важно было показать единство династии и элиты, а вместе с тем преемственность династической традиции франкского периода. Иной угол зрения был у Лиутпранда, стремившегося представить саксонских государей законными наследниками первых христианских

императоров. Особенно подробно рассматриваются свидетельства об инсигниях власти и их функциях на поле битвы, как, например, знаменитое «Священное копьё», которому посвящен отдельный раздел, имеющий вид настоящего справочника с указанием и комментариями старой и новой литературы (с. 160 сл.). А.С. Ануфриева приходит к выводу, что Видукинд конструировал свою модель «военной легитимации» ретроспективно: проецируя на прошлое архетип символического поведения государя в битвы на Лехе. Причем, где только возможно отмечалось присутствие знати, что дополнительно подчеркивало законный статус монарха (С.208).

Вторая глава посвящена символическим актам встреч государя (С. 209 сл.). Диссертант подробно рассматривает структуру и практику ритуала *adventus* в землях к северу и к югу от Альп в сочинениях Видукинда, Хротсвиты и Адальберта Магдебургского и Лиутпранда. Диссертант вполне оправданно связывает известную блеклость в освящении ритуала встреч у большинства писателей с обычностью, азбучность самой церемонии, хорошо известной образованным литераторам, вхожих в круги общественной элиты. В то же время имеющиеся свидетельства позволяют не только выделить основные составляющие ритуала, но и подспудно пролить свет на стиль правления первых саксонцев. География разъездов государя, его двора и встреч хорошо отражала приоритеты династической, региональной политики короны в X в. Недостаточное отражение форм и структур *adventus* в сочинениях саксонского круга словно бы компенсируется данными Лиутпранда, что позволяет диссертанту полнее представить широту вариаций на тему «государя-судии», «государя-триумфатора» и «государя-спасителя». При этом автор склонен трактовать точку зрения Лиутпранда, живописавшего расправы итальянских государей над горожанами в минувшие годы, отражением неурядиц и коварства местной знати, в то время как функция *adventus* после воцарения Оттона призвана была продемонстрировать наступление эры мира и гармонии целиком в соответствии с образом государя как Спасителя и Миротворца.

Главу венчает раздел, исследующий записки Лиутпранда о пребывании в Константинополе, шире – об особенностях византийского придворного церемониала и его сопоставлении с европейской традицией (С. 245 сл.). Эта часть представляется принципиально важной для уяснения особенностей политического символизма на Западе и Востоке. Она формирует отдельное ядро самой диссертации, своего рода «исследование в исследовании», одно из самых основательных в отечественной историографии, посвященной придворному церемониалу греческих императоров в контексте средневековой имперской идеи. Диссертант демонстрирует большую

научную эрудицию и прекрасно ориентируется в деталях общественной истории Византии X в.

В заключительном разделе второй главы А.С. Ануфриева исследует ритуал дипломатических контактов оттоновской эпохи, акцентируя внимание на комбинации позднеантичных, византийских и региональных элементов (С. 268 сл.). Весьма обстоятельно проблема изложена на материале дарений реликвий, встреч духовных лиц, приема иноземных послов и коммуникаций в рамках династического пространства. Автор вновь убедительно проводит разницу между воззрениями Лиутпранда и династических историографов, прежде всего Видукинда. Если Лиутпранд последовательно связывал ритуалы встреч с имперской традицией в целом, то для Видукинда важность имела «слава» династии и его «отечества», отраженная в жестах и символах. Третья глава охватывает аспекты символического разрешения конфликтов (с.302 сл.). Она важна, прежде всего, в проблемном плане: именно вокруг систем разрешения конфликтов строится во многом концепция организации власти первых саксонских государей у Г.Альтхофа. Потому диссертанту здесь предстояло тщательно проанализировать сообщения современников и интерпретировать их в контексте современной историографии. В целом А.С. Ануфриевой удалось справиться с этой нелегкой задачей. Автор подробно разобрал отдельные составляющие ритуала, его структуру и практическое воплощение на отдельных примерах. Центральную часть занимает дискуссия вокруг актов низложения римских пап. Детально исследуя свидетельства современников, прежде всего, Лиутпранда на примере посмертного осуждения папы Формоза (знаменитый «трупный синод») и Бенедикта V, А.С. Ануфриева выстраивает свою версию трактовки символических действий. Лиутпранд и здесь рассматривается протагонистом имперского взгляда, оценивавшим процедуры осуждения и реабилитации пап по критериям лояльности Империи и её государям.

Итоговые выводы диссертации следует признать вполне обоснованными и самостоятельными, хотя едва ли всецело оригинальными: близкие суждения уже были высказаны ведущими экспертами вопроса, прежде всего Г.Альтхофом и Й.Фридом. Итальянско-имперские акценты в творчестве Лиутпранда, его особенно подчеркнутый «имперский традиционализм» или же «свойство», близость Видукинда Корвейского саксонской племенной и династической традиции давно отмечались историками. В этом смысле результаты исследования скорее подкрепляют, нежели релятивируют точку зрения Г.Альтхова и его сторонников. Находит известную поддержку и мнение Й.Фрида о «проекции» символических жестов времен Оттона Великого на предшествующий период у авторов середины X в. Важным,

однако, представляется вывод о «торжествующей и величественной» ипостаси первого саксонского императора, акцентированной у современников (С. 377). Тезис этот, несомненно, корректирует мнение сторонников Г.Альтхофа о доминировании стратегии «дружбы», «свойства» и «милости», определявшей стиль правления первого императора Саксонского Дома.

Бесспорное же достоинство работы А.С. Ануфриевой видится в совокупном и продуктивном исследовании целого корпуса памятников с точки зрения формирования языка ритуала и символа. Структура символов в системе коммуникаций оттоновского периода, пожалуй, впервые представлена в столь цельном срезе. Удалось диссертанту выдержать и тонкий баланс между дискурсом «в тексте» и объективной внешней проекцией, не скатываясь в крайности «лингвистической» или «событийной» традиции.

Общее положительное мнение о работе не исключает критических замечаний. В ряде случаев диссертант явно злоупотребляет тезисом о рецепции литературных клише и концептов авторов разных эпох. В условиях относительной малочисленности текстов предположение о заимствовании моделей и прямом влиянии остается очень спорным, особенно когда речь идет о значительных временных разрывах, как, например, гипотеза, что хронист из Альтайха, описывая битву на Раабе, был знаком с текстом Лиутпранда (С. 197). Здесь и в других местах следовало бы больше подчеркнуть исключительную гипотетичность подобного рода тезисов.

В историографическом разделе, особенно в отношении XIX в. (С.68 сл.) диссертант пренебрегает общественно-политическим климатом, формировавшим воззрения и стиль работы историков XIX в. Беллетристика и пафос, свойственные ученым «малогерманского» и «великогерманского» направления, находили объяснение в инструментальном отношении к прошлому, что было весьма характерно для «историзма» постнаполеоновской эпохи и кануна Первого объединения. Здесь не мешала бы и отсылка к работам, посвященным идейным направлениям немецкой медиевистики XIX. То же самое замечание следует отнести и к нацистскому периоду: он оказался принципиально важен для созидания не только «социальной истории», но и истории идей. Между тем торжество неоранкианского подхода в западногерманской науке сразу же после 1945 г., напротив, значительно пригасило наметившиеся успехи в традиции Э.Канторовича и П.Э. Шрамма. Оно препятствовало долгое время на теоретическом и даже организационно-научном уровне развитию наметившихся в межвоенный период направлений. У диссертанта же период

1945 – 1970- ых гг. представлен некой плавной предысторией, переросшей в «историко-антропологический» толчок (С. 52 - 53 сл.)

Небесспорной выступает и внутренняя структура работы: условно говоря, «византийский блок» второй главы настолько массивен, что после него читателю весьма трудно вернуться собственно на «саксонско-имперскую» почву. Кроме того, он охватывает сферу «внешних контактов» и в большом теоретическом дискурсе о «трансфере» имперских идей и ритуалов между Западом и Востоком явно напрашивается в составе всей второй главы поменяться местами с главой третьей. В этом случае размышления диссертанта о взаимодействии и взаимовосприятии западных и восточных моделей вполне достойно венчали бы общую структуру работы.

Некоторые суждения явно спорны, как, например, объяснение жестокости Арнульфа при подавлении оппозиции в северной Италии в изображении Лиутпранда желанием государя укрепить свою власть (С. 232). В глазах писателя, скорее, речь шла именно об обратной проекции «милостивого триумфатора»: показано, что ждет зловредных бунтовщиков в случае отступничества и предательства.

Автор часто упоминает труды Й. Фрида, но главная, во многом концептуальная и итоговая его работа («Каносса. Экспозиция одной легенды», 2012), в которой детальным образом изложена философия историка, упомянута лишь раз в самом конце работы (С. 351). Между тем именно в ней дается развернутая критика концепции Г. Альтхофа и его сторонников, причем далеко за рамками обсуждения собственно «хождения в Каноссу».

Все указанные замечания, впрочем, не влияют на общую положительную оценку диссертации А.С. Ануфриевой.

Представляется, что диссертация А.С. Ануфриевой является самостоятельным и крупным исследованием по актуальной научной проблеме, вносящим существенный вклад в её решение. Отдельные разделы могут быть рекомендованы к печати, материал диссертации может быть с успехом использован в образовательном процессе, при подготовке лекций и семинаров.

Автореферат в полной мере отражает структуру, содержание и выводы диссертации.

Диссертация отвечает требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Министерства образования и науки РФ, утвержденного в новой редакции Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г., а её автор, Ануфриева Анастасия Сергеевна,

заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03. – всеобщая история (история средних веков). Отзыв подготовлен профессором кафедры истории средних веков ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктором исторических наук А.Ю. Прокопьевым, обсужден и утвержден на заседании кафедры истории средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (протокол № 78.08/13-04-1 от 23.01.2017)

Заведующий кафедрой истории средних веков,

доктор исторических наук, профессор

А.Ю. Прокопьев

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

ЗАВЕРЯЮ

А.Ю. Прокопьев

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

24.01.17.

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный университет»
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9
+7 (812) 328-97-88
spbu@spbu.ru